

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

6

1956

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

7

П 25
82

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

6

1956

Борьба Г. В. Плеханова против неокантианской ревизии марксизма

А. Ф. ОКУЛОВ

Георгий Валентинович Плеханов принадлежит к числу тех выдающихся личностей, которые оставили глубокий след в истории марксистской мысли.

После смерти Энгельса Плеханов выступил на международной арене как один из лучших теоретиков марксизма, как смелый критик философского ревизионизма. Он первым из марксистов выступил с острой критикой неокантианской ревизии марксизма. Говоря об этой заслуге Плеханова, В. И. Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» писал, что «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили... ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (Соч., т. 15, стр. 19).

* * *

Философские воззрения Г. В. Плеханова, как и любого мыслителя, нельзя изучать вне той исторической обстановки, в которой они возникали и развивались. Только при этом условии можно составить правильное представление о них как об определенной исторической ступени в развитии марксистской мысли, избежать тех ошибок, которые имелись в последние годы в оценке философского наследия Плеханова. Поэтому, чтобы выяснить историческое значение борьбы Плеханова против ревизии марксизма неокантианцами, необходимо хотя бы в немногих словах напомнить читателю те общественно-политические условия, в которых возникло неокантианство в Германии, и его некоторые наиболее характерные черты.

Неокантианство появилось в Германии как буржуазно-идеалистическая реакция на распространявшийся в рабочем движении марксизм. Неокантианцы ставили своей задачей увести рабочее движение с марксистского пути на путь буржуазный. Не случайно Маркс и Энгельс уделяли большое внимание критике неокантианцев, пытающихся протащить в рабочее движение неокантианство, чтобы подорвать влияние марксизма.

Лозунг «назад к Канту», выдвинутый буржуазными идеологами, означал призыв возвратиться к наиболее реакционным идеям кантовского учения. Такие эпигоны Канта, как Ланге, Либман, Коген, Наторп, Риккерт и другие, толковали философию Канта в духе субъективного идеализма, старались устранить из нее все, что могло быть истолковано в материалистическом духе.

Неокантианство достигло своего наиболее широкого распространения в конце XIX века, когда на историческую арену выступил ревизионизм. Появление внутри марксизма ревизионизма сопровождалось усилением интереса к неокантианству, которое, по замыслу оппортунистов, должно было стать разлагающей силой внутри международного рабочего движения. Неокантианские воззрения разделяли многие теоретики со-

циал-реформизма и руководящие деятели социалистических партий на Западе. В период, когда против марксизма выступили Бернштейн и его единомышленники, вопрос о Канте обсуждался на страницах «Vorwärts», «Neue Zeit» и других социалистических органов. Из философа, которым больше всего пренебрегали, Кант превратился в «популярного» философа, учение которого широко распространилось в социалистических кругах.

Неокантианство нашло свое отражение и в «теориях» представителей различных антимарксистских направлений в России, особенно легальных марксистов и «экономистов». Идеологи либеральной буржуазии Струве, Туган-Барановский, Булгаков, а также «экономисты» пытались перенести неокантианство на русскую почву и с его помощью переделать марксизм в буржуазный реформизм, использовать быстро растущее революционное движение в интересах буржуазии.

Ревизию марксизма и его философских основ русские неокантианцы, так же как и бернштейнианцы, повели под флагом «критического» пересмотра его якобы «устарелых» положений, под флагом дополнения марксизма «критической философией» Канта. В одной из своих работ, «От марксизма к идеализму», Булгаков прямо заявил, что необходимо «внести в марксизм прививку кантовского критицизма, подвести под него гносеологический фундамент, придав критическую формулировку основным его социологическим и экономическим учениям» («От марксизма к идеализму», стр. XI).

Бернштейн утверждал, что «социал-демократии нужен новый Кант, который направил бы оружие своей критики, который доказал бы, в чем кажущийся материализм есть величайшая и потому наиболее легко сбиваемая с пути идеология, — доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует» (цит. по Соч. Г. В. Плеханова, т. XI, стр. 57).

В борьбе с марксизмом ревизионисты особенно широко использовали этические теории кантианства, потому что основная тенденция их деятельности состояла в том, чтобы ослабить, примирить социальный антагонизм, а не преодолеть его через борьбу. Кантовская этика, по мысли реформистов, должна была стать парализующим элементом в рабочем движении. С помощью этики Канта они пытались обосновать так называемую теорию этического социализма, направленную против научного коммунизма Маркса и Энгельса.

Несмотря на опасность, которую несло с собой неокантианство рабочему движению, многие из теоретиков II Интернационала не понимали этого и примиренчески относились к «критическим» выступлениям неокантианцев против марксизма. Даже такие видные деятели международного рабочего движения, как А. Бебель, В. Либкнехт, П. Лафарг и другие, недооценивали всей опасности философского ревизионизма. В одном из писем Плеханову Каутский, например, писал: «Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством; ведь и дарвинизм так же хорошо уживается с материализмом Бюхнера, как с монизмом Геккеля и кантианством Ланге.

Если бы Бернштейн полинял только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, 1938, стр. 265).

Плеханов отверг эту примиренческую линию. Вскоре после появления книги Бернштейна «Проблемы социализма» и статей Конрада Шмидта «Новая книга о материалистическом понимании истории», «Кант, его

жизнь и его учение» Плеханов выступил с критикой философского ревизионизма. Посылая Каутскому свою первую статью, «Бернштейн и материализм», Плеханов писал: «Подобная полемика может вам показаться неприятной и даже бесполезной (впрочем, философия — не безразличная вещь. «Каков человек, такова и философия», сказал Фихте. Бернштейн возвращается назад к Канту; в то же самое время он уходит от социализма)...» (там же, стр. 71). Затем появилась целая серия статей Плеханова против неокантианской ревизии, составивших важный этап в развитии марксистской философии. Плеханов выступил на страницах немецких газет «Neue Zeit» и «Sächsische «Arbeiter Zeitung» и в русской печати со статьями «Бернштейн и материализм», «За что нам его благодарить?», «Кант против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм и кантианизм», «Еще раз материализм», а также с рядом публичных лекций и рефератов: «О так называемом кризисе в школе Маркса», «О диалектике», «О материализме», «О современном социализме», «О «Коммунистическом манифесте» и «критиках» Маркса», «О материалистическом понимании истории». Он написал предисловие к переводу работы Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» и предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Перу Плеханова принадлежат также рецензии на книги Зомбарта, Виндельбанда, Риккерта, Масарика, Кроче и других.

Во всех своих работах, направленных против неокантианцев, Плеханов доказывает, что попытки ревизионистов заменить философию марксизма неокантианством бесплодны, потому что марксизм представляет собой цельное и стройное мировоззрение, которое отличается от эклектического учения ревизионистов тем, что каждая из его сторон самым тесным образом связана со всеми остальными и нельзя удалить из него ни одной из них и заменить положениями, произвольно вырванными из других систем. Ничего, кроме нелепой путаницы, из этого не выйдет.

В своих статьях Плеханов показывает, что его полемика с неокантианцами затрагивает важнейшие вопросы человеческого знания и вместе с тем самые насущные интересы рабочего класса. Он считал, что международная социал-демократия должна быть всегда на страже, ибо подобные «ученые» могут причинить ей много зла. Либо Бернштейн похоронит марксизм, говорил он, либо марксисты уничтожат бернштейнианство. Вступая в бой с последними, Плеханов писал: «Бернштейн должен быть уничтожен, и я возьму это на себя». Он требовал, чтобы Каутский предоставил ему полную свободу слова.

Показывая непосредственную связь ревизионизма Бернштейна с буржуазными учениями, Плеханов отмечал, что стремление «вернуться к Канту» является не просто заблуждением, а естественным, неизбежным выражением его нынешних социально-политических тенденций, то есть сближения ревизионистов с буржуазией.

Борясь за материализм, против кантианского идеализма, Плеханов указывал, что кантианство — не философия борьбы, не философия людей действия. Это философия половинчатых людей, философия компромисса. «Историческая миссия» «критиков» заключается в пересмотре учения Маркса с целью устранения из него социально-революционного содержания. Чтобы не «угрожать» интересам буржуазии, Бернштейн «вернулся» на точку зрения «критической философии».

Плеханов не ограничивался критикой философских воззрений ревизионистов. В своих статьях, направленных против неокантианства, он дал блестящее изложение философского материализма Маркса.

Защищая учение Маркса, Плеханов в своих полемических работах, направленных против неокантианцев, уделял большое внимание истории формирования материализма, особенно истории развития французского материализма XVIII века. В своих «Очерках по истории материализма»

он дал глубокий анализ учения французского материализма в лице его лучших представителей — Гольбаха и Гельвеция.

Проследивая историю мировой общественной мысли, он показывает, что философия марксизма есть закономерный и неизбежный продукт развития философской и общественной наук. Появление материалистической философии Маркса Плеханов рассматривает как подлинную революцию в истории человеческой мысли.

Эклектической философии ревизионистов Плеханов противопоставляет целостное учение марксизма, в котором философский материализм неразрывно связан с методом и категориями политической экономии. В целостности и неразрывности Плеханов видит силу марксистской теории, ее способность объяснять законы природы и общества, выяснять пути и средства борьбы рабочего класса за победу социализма.

Защита Плехановым философского материализма от нападок неокантианцев шла главным образом по линии решения основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию. Плеханов проследивает, как решался этот вопрос, начиная с философии древних греков, и показывает, что различные философские системы отвечали на этот вопрос по-разному. Защищая марксистский материализм и доказывая всю несостоятельность обвинений Бернштейна и К. Шмидта против материализма, Плеханов писал: «Нам сдается, что прав наш старый учитель Энгельс. Нам сдается, что материализм в самом деле есть учение, которое хочет объяснить природу ее собственными силами и которое смотрит на природу, как на нечто первоначальное сравнительно с «духом». Нам сдается, наконец, что данное Энгельсом определение материализма может быть признано наиболее общим и наиболее удовлетворительным» (Соч., т. XI, стр. 115).

В работах Плеханова, направленных против неокантианцев, затрагиваются и многие другие важнейшие проблемы философского материализма. Защищая марксистский взгляд по вопросу о познаваемости мира, Плеханов дал глубокое диалектическое решение таких вопросов, как вопрос о пространстве и времени, о соотношении относительной и объективной истины. Он горячо защищал марксистское положение о том, что человечество в состоянии познать мир, что человеческое познание способно привести к объективной истине. Плеханов рассматривал истину не как какую-то мертвую догму, а как непрерывный процесс искания.

В период борьбы с неокантианской ревизией марксистской философии Плеханов уделял большое внимание защите марксистской диалектики. Этому вопросу он посвятил ряд своих блестящих работ: «К шести-десятой годовщине смерти Гегеля», «Кант против Канта», «Основные вопросы марксизма» и другие. Работы Плеханова по вопросам диалектики являются серьезным вкладом в марксистскую философию.

Говоря о причинах отступления ревизионистов от диалектического метода, Плеханов писал: «г. Бернштейн, — вместе со всеми филистерами всего земного шара, — готов городить против диалектики всякий вздор и возводить на нее самые нелепые обвинения всякий раз, когда ему кажется, что она может содействовать укреплению и развитию революционных стремлений в социалистической области. Маркс говорит, что немецкие филистеры увлекались диалектикой в то доброе старое время, когда они знали ее лишь в ее мистифицированном виде и воображали, что она может служить для оправдания их консервативных стремлений, но тотчас же и решительно отвернулись от нее, когда узнали ее настоящий характер и поняли, что она рассматривает все существующее с его преходящей стороны, что она ни перед чем не останавливается и ничего не боится, словом, что она критична по самому своему существу. Это же самое отношение к диалектике видим мы у г. Бернштейна, который во всей своей психологии является родным детищем немецкого филистерства. Оттого-то немецкие филистеры и приветствовали его «критику» громкими и про-

должительными воплями радости, оттого-то они и произвели его в великие люди. Рыбак рыбака видит издалека» (Соч., т. XI, стр. 59).

Плеханов подверг резкой критике утверждение Бернштейна о том, что диалектика имела якобы вредное влияние на политические взгляды Маркса и Энгельса, что диалектика якобы «препятствует трезвому отношению к действительности, отдаст нас во власть саморазвития понятий». «Как всегда бывает в действительности, — писал Бернштейн, — лишь только мы покидаем почву эмпирически установленных фактов и начинаем мыслить помимо них, мы попадаем в мир производных понятий; если мы в таком случае станем следовать законам диалектики, как их установил Гегель, то мы очутимся, прежде чем это заметим, снова в тисках «саморазвития понятий». В этом крупная научная опасность для гегелевской логики противоречий» (там же, стр. 41).

Критикуя необоснованность нападок неокантианцев на диалектику, Плеханов в своих работах дал яркую характеристику материалистической диалектики Маркса и Энгельса, показал ее коренное отличие от идеалистической диалектики Гегеля. Вместе с тем Плеханов не отрицал великой заслуги Гегеля, который сумел, по его словам, воспользоваться диалектикой так, как никто из его предшественников. Но, как отмечал Плеханов, Гегель не применял диалектику к жгучим вопросам практической жизни. Совершенно другое видим мы в материалистической философии Маркса.

Плеханов подчеркивал, что одной из самых великих заслуг Маркса и Энгельса перед материализмом является разработка ими правильного диалектического метода, благодаря которому материалистическая философия стала цельным, гармоничным и последовательным мировоззрением. «Современный диалектический материализм, — пишет он, — который, по мнению филистеров, должен превратить человека в автомат, открывает на самом деле в первый раз в истории путь к царству свободы и сознательной деятельности» (Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 50).

Отстаивая марксистскую диалектику от наскоков ревизионистов, Плеханов в своих работах уделяет большое внимание критике вульгарной «теории эволюции», показу ее отличия от диалектики. Плеханов решительно выступает против бернштейнианского утверждения, что превращение социализма из утопии в науку совершилось якобы вопреки диалектике, а не благодаря ей. Если Марксу и Энгельсу, говорит он, удалось превратить социализм из утопии в науку, то они обязаны именно диалектике, или, иначе, «логике противоречия». Борясь с неокантианцами, Плеханов постоянно подчеркивал, что диалектическое мышление отличается прежде всего конкретным характером. Поэтому вся деятельность социал-демократии, ее формы борьбы против капитализма должны быть пронизаны духом диалектики.

Чтобы показать всю несостоятельность обвинений Бернштейна, Плеханов в ряде своих работ анализирует процесс развития диалектического метода, показывает великую роль диалектики в развитии социализма от утопии к науке. Материалистическая диалектика, указывает он, дает нам единственно верную картину мира: мир представляет собой совокупность процессов, в которых вещи и их умственные образы, то есть понятия, не остаются неподвижными, а находятся в постоянном изменении, движении. Марксистская диалектика является единственно научным методом познания действительности; мировоззрение Маркса и Энгельса насковзь пропитано духом диалектики. Одну из великих заслуг Маркса Плеханов видит именно в том, что, прекрасно понимая значение диалектического метода, он умел хорошо пользоваться им. Победа Маркса над Прудоном в их споре была победой человека, умевшего мыслить диалектически. Прудон же не сумел уяснить себе природу диалектики, не пытался применить ее к анализу капиталистического общества.

Плеханов не ограничивался одной лишь пропагандой диалектического метода, его защитой от неокантианских критиков. Он сам превосходно пользовался этим методом, показывая в своих работах образцы его применения. Вместе с тем Плеханов допускал некоторые ошибки в толковании диалектического материализма, за что справедливо критиковал его Ленин. Но эти ошибки не могут умалить огромного значения выступлений Плеханова в защиту диалектического материализма, в котором он справедливо видел душу марксизма.

* * *

Разрабатывая и защищая философию марксизма как цельное и стройное учение, Плеханов в период борьбы с неокантианством уделял большое внимание вопросам исторического материализма. Ему принадлежит заслуга разработки многих важнейших проблем исторического материализма: о взаимодействии производительных сил и производственных отношений, об экономическом базисе и идеологических надстройках, о необходимости и случайности, о роли народных масс и личности в истории, о классах и классовой борьбе, о единстве диалектического и исторического материализма и так далее.

Верный идеализму, Бернштейн так же, как и все реформисты, с ненавистью относился к исторической теории Маркса и Энгельса — историческому материализму. Он пытался изгнать материализм из науки об обществе. Это понадобилось ему и его единомышленникам, как справедливо отмечал Г. В. Плеханов, для того, чтобы успокоить буржуазию, запуганную «ужасами» насильственной революции.

Бернштейн не видел и не мог видеть истинных причин развития общества. Выступая против материалистического понимания истории, он пытался выдать марксизм за своего рода фатализм, который объясняет историческое развитие действием слепых сил, неуклонно влекущих человечество к бесклассовому обществу, и отрицает роль и значение идей и человеческой деятельности в историческом процессе.

Бернштейн утверждал, что марксизм — слишком детерминистское учение, что его взгляд на соотношение надстройки и базиса слишком односторонен, поскольку он якобы недооценивает субъективного фактора в истории развития общества. «В выражении «материалистически-исторический взгляд», — говорил он, — издавна кроется причина всех недоразумений, которые вообще связаны с понятием материализма» (Э. Бернштейн «Проблемы социализма», 1901, стр. 36).

Разоблачая эту выдумку Бернштейна, Плеханов подчеркивал, что марксизм не имеет ничего общего с теорией фаталистического экономического детерминизма, отвергающего роль идей, значение целесообразной человеческой деятельности. Плеханов отмечал, что, применяя материалистическую диалектику к истории, рассматривая историческое развитие как закономерный, объективно обусловленный процесс, выделяя из всех общественных отношений производственные отношения как основные, первоначальные, определяющие все остальные отношения, Маркс в то же время впервые действительно научно показал значение субъективного фактора в истории, раскрыл организующую и преобразующую роль передовых идей, а также значение сознательной деятельности передовых классов и их партий. Коренное положение исторического материализма, писал Плеханов, гласит, что история делается людьми и человеческие стремления не могут не быть фактором исторического движения.

Плеханов справедливо говорил, что если бы Маркс и Энгельс действительно не придавали огромного значения политическому и духовному «факторам» и не допускали бы воздействия их на экономическое развитие общества, то их практическая программа была бы совершенно дру-

гой. «Они не говорили бы, что рабочий класс не может освободиться от экономического ига буржуазии, не захватив в свои руки политической власти. И точно так же они не говорили бы о необходимости развития самосознания рабочих: зачем развивать его, если оно не играет никакой роли в общественном движении, и если все делается в истории независимо от сознания, одной силой экономической необходимости? Но кто же не знает, что развитие самосознания рабочих было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса с самого начала их общественной деятельности?» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 318).

Отстаивая исторический материализм Маркса и Энгельса, Плеханов показал, что доктрина так называемого экономического детерминизма в том виде, в каком ее излагает Бернштейн, является пародией на марксизм. Исторический материализм есть не только величайшая, но и единственно-научная философская система нашего времени. Исторический материализм впервые в истории установил правильное соотношение между исторической необходимостью и свободной деятельностью человека. Борясь с неокантианством, Плеханов постоянно и неукоснительно подчеркивал общественно-преобразовательную роль сознания. Там, где общественные отношения не стоят на месте, говорил он, задача передовых личностей, а следовательно, и передовых партий, заключается прежде всего в содействии тому чрезвычайно важному по своим политическим последствиям процессу, благодаря которому сознание массы приходит в соответствие с ее положением. Революционеры обязаны содействовать росту революционного сознания в массе, обязаны стать акушерами ее революционной мысли.

В диалектике взаимоотношения объективного и субъективного, в их анализе Плеханов видел необходимую предпосылку синтетического взгляда на исторический процесс.

Заслуга Плеханова состоит в том, что он рассматривал исторический материализм, так же как и диалектический материализм, как законный продукт векового развития исторических идей. Он показал, что исторический материализм не отвергал поголовно и без разбора все исторические идеи предыдущих школ, он только освобождал эти идеи от фатального противоречия, благодаря чему они смогли выйти из заколдованного круга.

В своих работах Плеханов последовательно изложил домарксистские теории общественного развития, показав, что в своем развитии общество проходит известные фазы, которым соответствуют определенные фазы развития общественной науки. Он отмечал, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной наукой. Она не могла ответить на вопрос, в чем кроется та таинственная сила, которая приводит в движение историю человечества. Только исторический материализм дал исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Современный научный социализм мог появиться только в новейшем обществе и только тогда, когда уже достаточно развились те материальные условия, благодаря которым замена буржуазного порядка социалистическим стала не только возможной, но и необходимой.

Отмечая большие заслуги Плеханова в критике неокантианства, мы отнюдь не должны канонизировать все, что было сказано им. Известно, что критика Плехановым неокантианцев имела и ряд существенных недостатков, на которые указывал в свое время Ленин. Ошибки, допускаемые Плехановым, явились причиной того, что в борьбе против неокантианства он не всегда был последователен. Плеханов рассматривал неокантианство вне связи с исторической обстановкой того времени, когда капитализм вступал в новую, империалистическую стадию развития. Критикуя неокантианство, Плеханов не вскрыл до конца его реакционной сущности. Взглядам Плеханова были свойственны противоречия, что особенно отчетливо сказалось в меньшевистский период его деятельности. Хорошо

зная философию марксизма, он, однако, не всегда умел применить диалектику Маркса к анализу конкретных исторических условий рабочего движения эпохи империализма.

Несмотря на то, что Плеханов решительно выступал в защиту марксистской философии, он считал, что отступления неокантианцев от марксизма в области философии не мешали им признавать правильность экономической и исторической теории Маркса.

В своей критике бернштейнианства Плеханов совсем не затронул ряда кардинальных вопросов марксизма. Он не раскрыл сущности извращения Бернштейном учения Маркса о государстве. «Бернштейна,— писал Ленин,— многие опровергали,— особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об этом извращении Маркса Бернштейном не говорили» (Соч., т. 25, стр. 400).

Но то, чего не сделал Плеханов, сделал Ленин, труды которого составили новый, высший этап в истории марксистской мысли. До конца последовательная борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма оказала огромное влияние на политическое направление всего международного революционного рабочего движения в эпоху империализма. Характерной чертой ленинской критики неокантианской ревизии марксизма является широкая постановка вопроса о ревизионизме вообще.

Как указывал Ленин, с вступлением Бернштейна на историческую арену в международной социал-демократии образовалось два направления: с одной стороны, оппортунисты-ревизионисты и, с другой — последовательные марксисты. «Ревизионизм, или «пересмотр» марксизма,— писал он,— является в настоящее время одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев. Именно поэтому вождь оппортунистов, Эдуард Бернштейн, и получил такую (печальную) всемирную знаменитость» (Соч., т. 20, стр. 298).

Великая заслуга Ленина состоит в том, что он не ограничился критикой тех или других сторон неокантианства; он подверг всесторонней и глубокой критике неокантианство в целом, всяческие попытки ревизионистов перенести это буржуазное философское течение в рабочее движение. Ленин раскрыл действительный классовый смысл неокантианства, показал истинное лицо неокантианских ревизионистов, квалифицируя их как заклятых врагов марксизма.

Ленин беспощадно разоблачал нелепость попыток неокантианцев искать философское «обоснование» марксизма вне марксизма. Он настойчиво подчеркивал, что философия марксизма — диалектический материализм — не является чем-то внешним по отношению к другим составным частям марксизма, а, наоборот, органически связана с последними и неотделима от них, что все учение Маркса и Энгельса от начала до конца проникнуто диалектическим материализмом, что марксизм есть цельное мировоззрение, философская система, неразрывно связанная с пролетарским социализмом.

Начав в 1894 году борьбу с неокантианством, В. И. Ленин продолжал ее и в последующие годы. Находясь в ссылке, в письмах к родным и товарищам Ленин настойчиво подчеркивал необходимость самой решительной борьбы с неокантианством. Он прекрасно понимал, что неокантианцы в своих писаниях распространяют реакционную буржуазную философию, с которой необходимо беспощадно бороться. В своих трудах «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Еще к вопросу о теории реализации», «Капитализм в сельском хозяйстве», «Аграрный вопрос и «критики Маркса», «Наша программа», «Некритическая критика» и других Ленин показал несостоятельность и тщетность всех попыток ревизионистов «оплодотворить» марксизм критической философией кантианства.

* * *

Прошло почти шестьдесят лет со времени борьбы Г. В. Плеханова против неокантианской ревизии марксистской философии. За прошедшие десятилетия в мире произошли колоссальные изменения. Социализм ныне превратился в растущую и крепнущую мировую систему, охватившую более одной трети всего земного шара.

Несмотря на все эти великие перемены, борьба Плеханова против неокантианства не утратила своего значения и в настоящее время, поскольку неокантианство и ныне занимает большое место среди течений современной буржуазной философии и используется многими теоретиками реформизма для борьбы против марксистской философии.

Известно, что Плеханов был не только теоретиком, изучающим отвлеченные философские проблемы. Свои теоретические взгляды и убеждения он прямо и непосредственно связывал с рабочим движением. Его борьба за марксистскую теорию общественного развития имела большое значение для развития революционного самосознания рабочего класса.

Отстаивая чистоту марксистской теории, Плеханов в 90-е годы прошлого века проделал громадную теоретическую работу. Он вел борьбу не только с открытыми, но и скрытыми врагами марксизма, искоренял предрассудки и заблуждения многих социалистов. Этим объясняется полемический характер многих его произведений. Плеханов с ненавистью обрушивался на многочисленных «обновителей» марксизма. Он сам говорил о том, что в своей полемике против неокантианцев он защищал взгляды Маркса и Энгельса: «Я защищаю и всегда буду защищать этот взгляд с горячностью и с убеждением. И если некоторые читатели «пожимают плечами» по тому поводу, что я горячусь в такой полемике, которая касается важнейших вопросов человеческого знания и вместе с тем затрагивает самые насущные интересы рабочего класса,— так как очень вредно этому классу питаться тем, что Энгельс назвал нищенской похлебкой эклектиков,— то я скажу, пожимая плечами в свою очередь: *тем хуже для этих читателей*» (Соч., т. XI, стр. 136).

Несмотря на многие ошибки и отступления от марксизма, Плеханов своими лучшими философскими произведениями, написанными в конце XIX века, защищал и продолжал традиции Маркса и Энгельса, традиции непримиримости к враждебной идеологии. Он постоянно подчеркивал, что идеолог рабочего класса не имеет права быть равнодушным к философии. Теоретики буржуазии, говорил Плеханов, довольно умело облекают свои антипролетарские воззрения в форму философских учений. Чтобы победить их, надо уметь бороться с ними философским же оружием.

Показывая великое значение материалистической теории Маркса для международного рабочего движения, Плеханов говорил: «Великая революционная партия наших дней, международная социал-демократия, не опирается ни на «новое понимание» человеческой природы, ни на какой бы то ни было абстрактный принцип, а на «устанавливаемую строго-естественно-научным путем» *экономическую необходимость*. Это, именно, и составляет силу социал-демократической партии; это, именно, и делает ее столь же непобедимой, как непобедима и сама экономическая необходимость» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 179).

Современная эпоха представляет собой эпоху всемирного перехода от капитализма к новому общественному строю — социализму. События последних десятилетий, прошедших под знаком победы великих идей марксизма-ленинизма, наглядно показали всю силу и правоту этого учения.

Но, несмотря на эти всемирно-исторические победы, ныне так же, как и шестьдесят лет тому назад, существует еще немало буржуазных и реформистских теоретиков, которые говорят об «устарелости» марксизма.

Так, норвежский правый социалист Торольф Элстер в статье «Идеологические основы демократического социализма в Норвегии» пишет: «Теперь обычно признается в некоммунистическом рабочем движении в Норвегии, что марксизм почти ничего не может предложить современным социалистам сверх того, что уже было принято современными общественными науками. Важность марксизма в истории европейской мысли признается, но тот факт, что практически не было никакого теоретического развития со времен самого Маркса, берется в качестве доказательства его бесплодности сегодня».

Этот упрек свидетельствует о незнании существа марксизма — великого творческого учения пролетариата, — который, как всякая подлинная наука, не стоит на месте, а непрерывно развивается на основе опыта мирового революционного и рабочего движения, опыта построения социализма в СССР и социалистического строительства в странах народной демократии, опыта борьбы народов за национальную независимость на основе обобщения новых данных науки.

Правые реформистские теоретики иногда любят изображать марксистов как представителей догматизма. Но у коммунистической партии нет догм. Великие учителя и основатели марксизма-ленинизма самым решительным образом осуждали догматизм. Еще на заре рабочего движения в России Ленин, как верный продолжатель дела Маркса и Энгельса, указывал, что задачи растущего рабочего движения в России настоятельно требуют творческого развития марксистской теории. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал он в статье «Наша программа». — Мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса...» (Соч., т. 4, стр. 191—192).

Марксизм-ленинизм является великим интернациональным учением пролетариата, идейной основой объединения трудящихся масс в борьбе за переустройство общества на началах коммунизма. История не знает другого такого учения, к которому бы так жадно тянулись трудящиеся. Число его сторонников составляет теперь сотни миллионов людей и непрерывно увеличивается. Это является лучшим подтверждением того, что марксизм-ленинизм есть неодолимое учение современности.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — За ленинский принцип партийности в идеологической работе	3	
К столетию со дня рождения Г. В. Плеханова (1856—1956)		
М. И. Сидоров — Разработка Г. В. Плехановым исторического материализма	11	
А. Ф. Окулов — Борьба Г. В. Плеханова против неокантианской ревизии марксизма	23	
В. Р. Щербина — Об эстетических идеях Г. В. Плеханова	33	
<hr/>		
Т. Д. Павлов (Болгария) — К вопросу о характере болгарской народно-демократической революции	44	
<hr/>		
Б. С. Украинцев — Активная роль формы в общественном развитии	58	
П. В. Таванец — О структуре доказательства	69	
<hr/>		
В. С. Ивлев (Ленинград) — Биология и математика	76	
Луи де Бройль (Франция) — Интерпретация волновой механики	80	
Ж. П. Вижье (Франция) — К вопросу о теории поведения индивидуальных микрообъектов	91	
<hr/>		
Гарри К. Уэллс (США) — Зигмунд Фрейд и его учение	107	
<hr/>		
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ		
С. А. Токарев — Проблема происхождения и ранних форм религии	125	
Г. Ф. В. Гегель — «Кто мыслит абстрактно?»	138	
<hr/>		
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ		
О характере надстройки антагонистического общества		
Г. М. Новак (Нальчик) — Противоречивость капиталистической надстройки	141	
В. М. Ковалгин (Минск) — К вопросу о сущности надстройки	146	
<hr/>		
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		
Всесоюзное координационное совещание по вопросам философии в Институте философии АН СССР		150
М. Э. Омеляновский, И. М. Муминов, К. М. Фролов — На Третьей сессии Пакистанского Философского Конгресса	163	
<hr/>		
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		
Ф. Т. — Обсуждение «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» на Всесоюзном координационном совещании	170	
Л. Н. Коган (Свердловск) — Новый труд по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР	175	

А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров, В. П. Федотов (Ленинград) — О серьезных недостатках в освещении истории отечественной философии	180
А. Н. Гулиев (Баку) — О некоторых недостатках в освещении истории философской мысли азербайджанского народа :	185
Я. Р. Циелавс (Рига) — Несколько замечаний по поводу искажений истории философии латышского народа	187
А. М. Ладыженский — Об освещении народничества	190
И. А. Кривелев — Две книги об ордене иезуитов	191
Л. Е. Якобсон — О письмах В. Г. Белинского	197
Г. А. Брутян (Ереван) — Интересная книга по теории познания	201

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Ю. А. Жданов (Ростов-на-Дону) — О переходе качественных изменений в изменения количественные	206
Н. С. Смирнов — Об одном примере перехода количественных изменений в качественные	210
М. Г. Ярошевский (г. Куляб) — Г. В. Плеханов и И. М. Сеченов	213
А. Г. Рудов (Архангельск) — Против догматизма	216
В. Н. Михайлов (Саратов) — Об одной неверной оценке мировоззрения Н. И. Новикова	218

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

И. С. Борисова — Автоматизация производства, атомная энергия и общество	221
Д. И. Заславский — Двойная мера	224
А. И. Абрамов — Народные массы и политика	227

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

И. Б. Новик (г. Молотов) — О специфических особенностях сознания человека	229
К юбилею Тодора Павлова	232
Указатель статей, помещенных в журнале «Вопросы философии» за 1956 год	233

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Д. Каммари (главный редактор), А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь (зам. главного редактора), М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.

Адрес редакции: Москва, Г-19. Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 13562.

Подписано к печ. 22/XII 1956 г.

Тираж 50 000.

Изд. № 1237. Заказ № 2580. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 7,5 бум. л.— 20,55 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.